

Глава 3. Поживиться за счёт богачей

Зал для совещаний был освещён как днём. Стопки жёлтых реестров с переписью населения, белых реестров с налогами и повинностями, а также поземельных книг «рыбьей чешуи» непрерывным потоком вносили внутрь.

Еян Цы сидел за столом и протянул руку в сторону. Юный слуга Ли Тань тут же послушно вложил в неё фамильные счёты из агарового дерева. Сжимая в одной руке счёты, а в другой — учётную книгу, Еян Цы двигал пальцами с невероятной скоростью. В зале не умолкал отчётливый стук костяшек.

Писари, столпившиеся у дверей, смотрели на это во все глаза. Цзян Оу, наблюдавший со стороны, изумлённо вздыхал:

— Господин Еян одновременно считает на счётах и в уме, книги просматривает со скоростью десять строк в один взгляд, а в расчётах не ошибается ни на долю... Он просто гений вычислений!

От волнения дянъши Цзян забыл и про чай, и про сон. Скрестив ноги, он сидел у стола, вытянув шею, и сосредоточенно смотрел, время от времени помогая подавать и переворачивать страницы.

Юноша был полностью поглощён работой, не замечая течения времени.

Ночная тьма сменилась рассветной дымкой, индиговое небо посветлело до цвета рыбьего брюха. Стражники утренней смены один за другим погасили фонари во дворе, но в зале для совещаний всю ночь горел свет и стучали костяшки счёта. Взгляды проходивших мимо писарей и служащих ямэня сменились с недоумения на потрясение, а затем на глубокое уважение, которое вылилось в тихий шёпот:

— Целую ночь щёлкал счётами...

— Эти книги годами пылились, все в паутине и пыли. Сверху каждый год приходят указы проверять и сверять документы, но на деле никто сюда и не заглядывал...

— Уездный судья собирается перетряхнуть все старые счета уезда?

— А наш новый господин-то, оказывается, не промах!

Конечно, были и те, кто, чувствуя свою вину, раздражённо бормотал:

— Да разве он сможет всё сосчитать, просто вид делает!

С последним щелчком костяшки Еян Цы перенёс итоговые данные на бумагу и глубоко вздохнул. Он не спал всю ночь, но был бодр и полон сил. На его щеках играл лёгкий румянец, и в утреннем свете лицо его казалось особенно свежим.

Цзян Оу, чьи глаза покраснели от бессонной ночи, уставился на тонкую тетрадь в синей обложке, лежавшую на столе. В этой тонкой тетради была заключена судьба всего уезда.

Еян Цы положил руку на синюю обложку, встал, потянулся и спокойно произнёс:

— Из года в год живут в долг, занимая под будущий урожай. Бюджетный дефицит составляет двадцать одну тысячу пятьсот восемьдесят семь лянов, восемь цяней, четыре фэня и четыре ли серебра. Это почти равно налогам с уезда за тринадцать лет.

У Цзян Оу от этих слов волосы на голове зашевелились.

— Когда я вчера прибыл, то с холма у переправы видел бесчисленные заброшенные поля, — продолжил судья. — Боюсь, что и летний налог в этом году соберут едва ли на шестьдесят процентов. Не знаю, откуда снова придётся занимать и перекраивать бюджет.

Цзян Оу протяжно вздохнул:

— Год от года всё труднее, но как-то выживаем.

— Ты думаешь только о том, чтобы выжить? — спросил Еян Цы. Его взгляд, казалось, пронзал невидимую метель, бушующую в комнате, заставляя собеседника содрогнуться от смешанного чувства уныния и надежды. — А я думаю о том, как заработать. И не только я должен быть при деньгах, но и ямэнь, и крестьяне, и ремесленники, и торговцы... Я хочу, чтобы поля колосились тучным зерном, горы были покрыты фруктовыми садами, лавки стояли плотными рядами, торговые суда вереницей шли по реке, амбары были полны доверху, а в сундуках каждой семьи звенели монеты.

Цзян Оу застыл в изумлении.

— Это... это возможно? — прошептал он.

Еян Цы слегка улыбнулся:

— Если не приложить все силы, как узнать?

За дверью зала для совещаний, прислонившись спиной к стене, стоял Тан Шицзин, скрестив руки на груди. Он слушал уже давно. Прежде чем уйти, он достал из-за пазухи свёрток в промасленной бумаге и бросил его Ли Таню, который выходил из дверей с пустым умывальным

тазом.

Мальчик еле поймал свёрток, едва не уронив и таз.

— Почему ты опять бросаешься вещами! — сердито закричал он.

Тан Шицзин не обратил на него внимания и ушёл.

Ли Тань, бормоча ругательства, развернул свёрток и увидел пять плодов архата. Вчера это средство помогло — горлу хозяина стало намного лучше, но после бессонной ночи оно снова начало болеть. Эти подношения были как нельзя кстати. Гнев слуги сменился радостью, и он пробормотал себе под нос:

— Этот сюньцзянь Тан хоть и выглядит задирой, а подлизываться к начальству умеет.

Он радостно отправился искать котёл, чтобы сварить лечебный отвар.

К тому времени, как питьё было готово и подано вместе с завтраком, наконец-то явились с визитом запоздавшие сяньчэн Го и чжубу Хань. Подросток скривил губы, расставил на столе тарелки и обратился к господину Еяну:

— Хозяин, сяньчэн и чжубу ждут у дверей.

Еян Цы сначала выпил полчашки отвара из плодов архата:

— Не торопись, сначала поедим. Садись, ешь со мной.

Ли Тань покачал головой:

— Ломо собирается на рынок за покупками, я хочу пойти с ним, чтобы он по своей нерасторопности чего-нибудь не забыл, а то придётся идти ещё раз.

Хозяин знал, что это правда, но также понимал, что юноша просто любит суету. Он согласился.

Неторопливо позавтракав, господин Еян прополоскал рот чаем, привёл в порядок одежду и лишь тогда со спокойным видом вышел из комнаты.

Го Саньцай и Хань Хань, ждавшие под навесом, уже потеряли терпение. Они собрались было поклониться, но увидели, что Еян Цы, не удостоив их даже взглядом, прошёл мимо.

Хань Хань не выдержал и крикнул ему в спину:

— Господин уездный судья!

Тот остановился и обернулся. Его профиль в солнечном свете был подобен лику небожителя на фреске.

— Вы кто? — холодно спросил он.

Хань Хань смутился:

— Нижестоящий чиновник, чжубу уезда Сяцзинь, Хань Хань. — Он указал на стоявшего рядом.
— А это сяньчэн уезда Сяцзинь, господин Го Саньцай.

Еян Цы оглядел их с ног до головы и с важным видом заключил:

— Старые, некрасивые, с плохой памятью, да ещё и невежливые.

Го Саньцай и Хань Хань застыли в изумлении. Они представляли себе самые разные варианты первой встречи, но никак не ожидали такой почти абсурдной насмешки. Лицо чжубу Хань побагровело, и он гневно выпалил:

— Господин уездный судья, вы так молоды, а уже так дерзко говорите со старшими! Это слишком опрометчиво!

Сяньчэн Го оказался более сдержанным. Он сложил руки и сказал:

— Мы действительно проявили к вам неуважение, господин. Надеемся на ваше прощение. Впредь мы непременно искупим свою вину и будем служить вам верой и правдой.

Раз уж противник пошёл на попятную, Еян Цы не хотел так быстро сжигать мосты. Он спросил Хань Ханя:

— А что скажет чжубу?

Тому ничего не оставалось, как последовать примеру товарища, поклониться и извиниться:

— Я был невежлив и оскорбил господина уездного судью. Прошу прощения.

Еян Цы сказал:

— Вам двоим вместе почти сто лет, вы съели на несколько лет больше риса, чем старая черепаха в храмовом пруду, и должны знать о субординации. Вчерашнее забудем, но впредь такого не повторять.

Го Саньцай, с трудом подавив злость от сравнения с черепахой, процедил сквозь зубы, что будет следовать наставлениям. Хань Хань спросил:

— Тогда встреча господина с главами наших кланов... может, мне поручить её организацию?

Еян Цы с безразличным видом ответил:

— Хорошо, тогда будьте любезны. Да, и выберите место поизящнее, какой-нибудь сад, и чтобы было просторно, побольше мест. Я хочу как следует познакомиться с молодыми талантами ваших семей.

Сказав это, он повернулся и ушёл, оставив двух седовласых «старых черепах» стоять на месте, скрипя зубами от злости.

***

Еян Цы переоделся в лёгкую одежду и в одиночку на коне за несколько дней объездил все улицы и переулки уездного города, а также несколько деревень и сёл за его пределами.

Территория уезда Сяцзинь была небольшой, но пахотных земель хватало. Более двадцати лет назад, во время смут, большинство жителей бежало, оставив города в запустении, а поля — заросшими. Весенним ласточкам негде было вить гнёзда. Теперь, в мирное время, императорский двор благоразумно снизил поземельный и подушный налоги, но уезд, словно после тяжёлой болезни, всё ещё не мог оправиться.

Под косым мелким дождём Еян Цы, в бамбуковой шляпе и соломенной накидке, сидел на корточках на краю поля и болтал с отдохавшим старым крестьянином.

— Весна пришла, как в этом году пшеница, хорошо будет расти?

Старик, попыхивая самокруткой из табака сорта «ивовый листок», выпустил клуб белого дыма:

— Если про землю спрашиваешь, парень, то она жирная. Тут ведь столько трупов раньше закопали... Я, старик, смелый, не боюсь, что нет-нет да кости выкопаю. Растить будет хорошо.

— Но я по дороге видел, что девять полей из десяти заброшены, очень жаль, — вздохнул Еян Цы. — Значит, дело не в земле, а в том, что людей мало!

Старик кивнул:

— Во время войны в уезде кто умер, кто сбежал. Чем меньше людей, тем меньше зерна, а чем меньше зерна, тем меньше детей рожают. Неизвестно, когда снова станетлюдно.

Еян Цы задумался:

— В ближайшее время население здесь не увеличится, если только... переселенцы. Но это государственная политика, не в силах одного человека или одного места.

— Парень, ты, наверное, из уездной школы? Что ж ты не за книгами сидишь, а со мной, стариком-крестьянином, болтаешь? — Старик затянулся. — Учись хорошо, станешь чиновником, не будешь знать ни тяжёлого труда, ни повинностей.

Собеседник улыбнулся и спросил в ответ:

— А для чего становятся чиновниками?

Старик растерялся:

— Чтобы жить хорошо?

Еян Цы кивнул, а потом покачал головой:

— Чтобы все жили хорошо.

Он встал, достал из рукава небольшой мешочек и протянул его старику:

— Я отвлек вас от работы, это вам небольшая компенсация.

Крестьянин взял мешочек, взвесил его на руке, и, услышав звон монет, прикинул, что там около ста вэней. Его морщинистое лицо расплылось в улыбке:

— Щедрый ты парень, точно высоко поднимешься.

— Вашими бы устами, — Еян Цы сложил руки, прощаясь, вышел с поля и отвязал от дерева поводья своего коня.

Он вскочил в седло и поскакал к городу. У восточных ворот узкий и ветхий арочный мост, подмытый многодневными дождями, накренился под копытами его коня, треснул и с грохотом

рухнул.

Конь испугался и едва не свалился в ров, окружавший город. Господин Еян в критический момент проявил чудеса ловкости, спас своего скакуна, но потерял шляпу. Кое-как успокоив коня, он поднял голову к небу. Мелкий дождь моросил ему в лицо, и он пробормотал:

— Новый каменный арочный мост, даже небольшой, обойдётся как минимум в триста лянов серебра.

Его годовое жалование составляло сорок пять лянов, плюс сто восемьдесят гуаней медных монет и некоторое количество риса; при вступлении в должность двор выделил ему тридцать лянов «подъёмных»; дрова, провиант и прочие пособия — пусть будет ещё шестьдесят лянов. За год и на один мост не хватит.

Сбережения у него были, но он не мог потратить их все на ремонт мостов и дорог. Этот дырявый, как решето, уездный город требовал починки на каждом шагу. Да и не его это дело — тратить свои сбережения, это неправильно.

К тому же, в ямэне жалование от двора получали только сяньчэн, чжубу и чиновники без ранга, а остальных писарей и стражников он должен был содержать за счёт доходов уезда. Денег требовалось много.

Господин Еян теперь был озабочен деньгами, и его желание заработать разрослось до предела.

Кто был самым богатым во всём округе Гаотан?

Соседние уезды Учэн и Эньсянь были немного богаче Сяцзиня, но тоже бедны. Гаотан, центр округа, был куда зажиточнее, но и у главы округа территория была больше, и расходы — выше.

Нет ли здесь какого-нибудь бездельника, который ничего не производит, получает огромное жалование, владеет множеством поместий, имеет толпы слуг, занимает высокий пост, ничего не делая, и живёт за чужой счёт... какого-нибудь богатея, за счёт которого можно было бы пожить?

Кажется, один такой был.

— Князь Гаотан, Цинь Шэнь.

Еян Цы вспомнил свою встречу с князем Гаотаном семь дней назад у переправы за городом. Его холодное и полное досады лицо медленно увеличивалось в воображении судьи, становясь милым, как у мальчика, приносящего богатство.

Господин Еян улыбнулся весеннему дождю.

<http://bllate.org/book/15875/1436560>